

Кем "ПОЛОХАЛИ" детей на Руси

Есть уголок нашей традиционной национальной культуры, куда пока еще редко заглядывает специалист - фольклорист, этнограф, языковед. Это интимный мир няни-пестуны и ее маленького воспитанника, которого приходится не только убаюкивать или развлекать сказками, байками, припевками, но и страшать, "полохать", чтобы он не шалил, скорей закрывал глазки и засыпал в своей колыбельке или постельке. "Спи скорей, закрой глазки, а то бука придет!" - "Куда побежал, там цыган тебя заберет!" - "Не шали, вот пулевой старухе тебя отдам!"

Фантастические и непонятные существа, упоминания о которых заставляют расширяться от страха и наполняться слезами детские глаза, для взрослых - память об уютном мире детства, о матери или няне, склонившихся у постели, о страхах, радостях и шалостях маленького человечка, который с неиссякаемой энергией, упорством и любопытством осваивает огромный и таинственный мир. Для каждого человека - это его глубоко личные воспоминания, но если из разных источников - колыбельных песен, приговоров нянь-пестуний, записей живой диалектной речи, детского фольклора, разного типа словарей - собрать все эти образы, систематизировать их, постараться уяснить их понятийную и языковую природу и происхождение, то получится картина, отражающая и национальный склад характера, и историю народа, и некоторые универсальные черты менталитета человека.

Может быть, современная педагогика не одобряет обычай пугать детей различными непонятными образами, но к эмоциальному воздействию на ребят на Руси - да и не только на Руси - прибегали с давних пор. В "Слове о погибели Русской земли", произведении, написанном скорее всего в середине XIII в. и повествующем о нашествии на Русь орд монголо-татар, описывается бывшая красота и богатство Русской земли, ее прежнее политическое могущество, когда именами русских князей их соседи "полошаху" детей в колыбелях: "... То все покорено было богом крестьянскому языку поганьская страны величому князю Всея Воды, отцо его Юрью, князю киевскому, деду его Володимиру и Манамаху, которым то половцы дети своя полошаху колыбели." (Текст из "Слова о погибели Русской земли" цит. по: Мещерский И. А. К реконструкции текста "Слова о погибели Русской земли" // Вестник ЛГУ. 1963. № 4. С. 45.)

Древнерусский глагол *полошити*, *полошати* означал 'пугать, страшить', *полошитися* 'бояться': стена своего полоша ся' - так говорили о тех, кто "боялся собственной тени". В современном языке этот же древний корень *polh/poloh имеют слова *переполох*, *всполошиться* и др. В.И. Даль приводит также однокоренные слова *полох* 'тревога, набат', *сполох*, *полошник* 'набатчик, кто бьет, подымает полох', 'пустой крикун, вешун худого', *полохало* 'пугало, чучело на огороде от птицы' и др.

Приведенный отрывок из "Слова о погибели Русской земли" указывает на давность традиций использования в качестве устрашителей имен исторических лиц, с которыми связаны для народа отрицательные переживания. Отголосок этой традиции находим в современных колыбельных песнях, например в колыбельной, записанной в Мурманской области, в которой упоминается

татарский хан Мамай, принесший на Русь смерть, разорение, плен и пожарища:

Баю-бай, баю-бай,
К нам приехал Мамай,
К нам приехал Мамай,
Просит, Арсеньку отдать.
Мы Арсеньку не дадим,
Пригодится нам самим.

Образ татарского хана оставил и другие следы в различных пластах общерусского языка: известно просторечно-бранное *мамай'*, *бузин*, *драчун'*; в песнях по записям XVIII-XIX вв. фигурирует страшная бабище *Мамаишна*, у которой "головище с дощанище, глазища с пивные коры"; фразеологизм "как Мамай прошел" употребляется для обозначения беспорядка. Старым русско-татарским историческим и культурным переживаниям обусловлено использование в качестве обозначения детского пугала слов из тюркских языков *бабай* 'старик, дедушка' и образованного от него посредством славянского суффикса -к- *бабайка* 'старуха'. И хотя слово *бабай* имеет в тюркских языках вполне конкретное значение, в русских говорах оно приобрело абстрактно-мифологическое содержание и стало обозначать фантастическое существо, пугало, которым страшат детей.

Давняя традиция использования образов исторических лиц в качестве пугал для детей в последние столетия постепенно угасает. Но у Пушкина в стихотворении 1818 года "Сказки" еще находим шутливо-сатирическое:

Мария в хлопотах Спасителя страшает:
"Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука - русский царь!"
Царь входит и венчает...

Отголосок истории XX в. в фольклорных и диалектных материалах обнаружить и вовсе не удалось: ни первая, ни вторая мировые войны, ни революция, ни гражданская война, полные трагических событий, не дали образов, которые бы использовались для устрашения детей.

В качестве пугал-устрашителей с давних пор использовались образы социально-маркированных лиц. Страшали и страшат цыганом и цыганкой, солдатом, нищим, в настоящее время - милиционером. Солдат, уходивший служить на 25 лет, т.е. практически навсегда, побывавший в дальних странах и знаяший много такого, что было неведомо крестьянину-домоседу, в традиционном народном сознании связывался с запредельным миром. Так, в фольклоре черт и леший нередко являются в образе солдата. Хорошо известна определенная сакрализация на Руси юродивых, нищенствующих странни-

Фантастические и непонятные существа, упоминания о которых заставляют расширяться от страха и наполнять слезами глаза, для взрослых - память об уютном мире детства, о матери или няне, склонившихся у постели, о страхах, радостях и шалостях маленького человечка, который с неиссякаемой энергией, упорством и любопытством осваивает огромный и таинственный мир.

ков, слепцов - всех тех, кого издавна называли "калика-ми перехожими". Социально маркированы были и цыгANE, за которыми водились грехи воровства, конокрадства, гадания и всякого рода мошенничества.

На Русском Севере в Вологодской, Новгородской, Ленинградской областях достаточно широко встречается персонаж-устрашитель, именуемый бадя, бадя, бадяй, бадяко: "Не реви, бадя заберет! Смотри, бадя придет!" (Волог., Череповецкий р-н). Страшный бадя-бадяй имеет вполне определенные, хотя и различные, характеристики. В одних случаях это гутгивый, который может произносить лишь бадя-бадя-бадя, в других - это хромой, в третьих - сухорукий. Издавна люди с какими-либо физическими недостатками, аномалиями подвергались сакрализации, им приписывались сверхъестественные свойства. При этом существенными могли быть необычный цвет волос (например, рыжий), цвет глаз, даже кожи, отсутствие зубов. Персонаж бадя может приобретать легендарный характер и соотноситься с ка-

верхнелужицкого языка *wowka* и более раннее *wowa* - мать матери, бабушка. Слово считают восходящим к древнему индоевропейскому корню *au, которым в различных индоевропейских языках обозначают предков второго колена - деда и бабушку. Предполагают, что к этому же корню восходит и древнерусское *уй* - дядя по материнской линии. В русских говорах Карелии (Медвежьегорский район) отмечено употребление слова *wowa* в значении 'покойник, утопленник, являющийся во сне', т.е. оно обозначает мифологизированного предка, ибо в традиционном сознании все умершие - это наши предки, "родители", которые из запредельного мира следят за нашей жизнью и даже участвуют в ней. В некотором отвлечении от территориальных и хронологических факторов схема значений слова *wowa* предстает в следующем виде: 'мать матери, бабушка' - 'мифологизированный предок' - 'покойник' - 'мифологическое пугало'. К сожалению, сейчас известно лишь небольшое количество употреблений слова *wowa*, что затрудняет окончательный вывод.

Для традиционных форм сознания очень характерны персонификации. В народной речи и в фольклоре персонифицируется почти всё. Когда сажают пироги в печку, ее просят: "Матушка печка, укрась своих детушек!"; чтобы уберечь всходы от весенних заморозков, варят кисель и "закликают" мороз: "Мороз Васильевич, иди к нам киселя хлебать!" В заговорах обращаются к молодому месяцу Адаму, к воде Ульяне и земле Татьяне, к утренней заре Марии и к вечерней Анастасии и т.д. При устрашении детей также прибегают к персонификации. На шалящего ребенка прикрикивают: "Смотри, хлын придет!" Устрашающий хлын - это персонифицированная палка, вица, шест.

Есть персонификации и более сложного характера. В Архангельской области перед началом Великого поста ребят пугали ефимоном: "Нас тоже пугали. Как катаемся на санках, бывало, скажут: "Сегодня ладно, катайтесь. Завтра пост придет, уже не будете кататься. Ефимон будет ходить" (Онежский р-н, 1982). В христианском церковном ритуале ефимоны - вечерняя служба в Великий пост (из древнееврейского мемифон - "с нами бог"). В приведенном контексте ефимон - имя персонажа, порожденного персонификацией поста. Пост в противоположность веселой и разгульной масленице - время мрачное и скучное. Его приход, естественно, нежелателен, что отражено в следующем контексте: "Ефимон, поди вон, в Шижику, в Сороку, в Сухой наволок, в Суму на городок" (там же). Персонификация масленицы в виде куклы, чучела, которое хоронят, сжигают, топят в конце масленичных веселей, - явление широко известное. Персонификация поста в облике определенного персонажа если и представлена на восточнославянской территории, то очень ограниченно. Вообще же у славянских и многих других европейских народов смена весенних карнавалов, масленичных развлечений постом сопровождается ритуалами, в которых участвуют два персонажа - персонификации того и другого. Между этими персонажами разыгрываются действия, иногда они борются, причем победа всегда на стороне поста. У чехов масленица заканчивается похоронами Масопуста, Бахуса или Контрабаса. У сербов пост олицетворяется в облике бабы Коризмы. В Англии в "пепельную среду" соломенное чучело, одетое в лохмотья и называемое Джек-пост (Jack-o-Lent), проносили по улицам селения, затем укрепляли на шесте, где каждый желающий мог бросать в него камни, палки, грязь в течение всего поста. Особенно развернутые ритуалы такого рода совершились в Италии и Испании. Сохранились еще средневековые описания борьбы толстого, веселого, наглого дона Карналя против длинной, тощей и безобразной донны Куаресмы, описания целых пощечин битв между воинствами того и другого персонажа (смагезма - 'пост', отсюда же и название сербского персонажа - Коризма).

Таким образом, архангельский ефимон - отражение, хотя и слабое, редкой для восточнославянской традиции персонификации поста. Удалось обнаружить мезенские материалы 1839 г., указывающие на более раннюю стадию персонификации ефимона: "На Страстной неделе в среду после вечерни, по случаю прекращения ефимонов, собираются ребята на церковной паперти и, бросая кверху шапки, кричат нараспев: "Кыши, ефимон, из трапезы пошел, за три дня до Христова дня!" (Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 35). Но в этих записях ефимон еще не персонаж устрашения де-

Дед-нянка. Брянский уезд Орловской губернии. 1908 г. Российский этнографический музей (РЭМ) в Санкт-Петербурге.

ким-нибудь реальным лицом, известным в данной местности. Например, в Чагодищинском районе Вологодской области прозвище "Бадя" связывалось с человеком, о котором еще помнили пожилые люди: "Бадя придет! Это немой старичок такой у нас был. Не говорил, все: бадя, бадя, бадя! Боялись его дети. Скажешь: Бадя придет!" Происхождение слова неясно. Ближайшие лексические аналоги - это бодяться 'шататься, бродить, шляться, толкаться, слоняться', бодяга, 'бродяга, шатун, тунеядец' (Словарь В. Даля).

"Полохали" детей и упоминанием животных, обычно домашних, известных детям. Но при этом использовали названия животных из соседних говоров или пользовались полузамытыми словами своего говора, ибо малопонятное всегда оказывает большее эмоциональное воздействие. Например, по данным "Словаря русских народных говоров", в Вологодской области слово долон зафиксировано в значении 'мифическое существо, которым пугали детей': "Какой долон-от идет!", а соседней Ярославской оно известно как обозначение петуха. Вологодское кока - это 'курица' в детском языке, а в вятском кока - фантастическое существо, которым пугают детей; смоленское мека, используемое для устрашения, скорее всего звукоподражательное обозначение козы или овцы в детском языке.

Образы устрашителей обычно весьма расплывчаты. Кто такой гуга или как выглядит бобка, бомка или буван, не могут, естественно, сказать ни дети, ни взрослые. Эти персонажи не имеют сколько-нибудь четкого облика и функции устрашения выполняют главным образом за счет звуковой инструментовки, характерной для детского языка (повторение слов, взрывные губные согласные м, б) и требующей мускульных усилий, сходных при некотором из утирировании с гримасой устрашения: ср. бу-у-ка, гу-у-га, в-о-ва, д-о-д-о-и и др.

Очень интересен персонаж устрашения, именуемый вова. В детском языке есть значение слова *wowa* - ласковая кличка всякой собаки, собака (Арх.). Но, возможно, дело обстоит в данном случае сложнее. В лингвистических трудах неоднократно обсуждалось слово из

тей, а преломленный в народном сознании, персонифицированный образ христианского культа. Развитие же образа в сторону стирания и обобщения его семантики, превращение в персонаж-устрашитель - явление обычное.

Самую же значительную группу составляют персонажи-устрашители, в той или иной мере сохраняющие связь с мифологическими образами. Число их весьма велико, и центральным из них является, несомненно, бука, известный практически на всей территории России: "Ребенку, буде не слухате, говориши: 'Спи, спи, бука идет! А спросиши, какой буква, - а в шубы, шерстью повернут'" (Карелия, Медвежьегорский р-н); "Раньше ребята кудельницев, буков, водяников боялись" (там же). Словари русского языка приводят это слово со значением 'страшилище, которым пугают детей', 'сказочное страшилище, которым прежде пугали маленьких детей'; 'неизвестное, страшное и таинственное существо, обитающее преимущественно в темных и безлюдных местах'. Словом бука могут называть угрюмого, нелюдимого человека, а в говорах - и толстого или свирепого человека.

Образ страшилища буки весьма расплывчат. Это и ряженый в шубе навыворот, и медведь, и нечто страшное, не имеющее четкого образа: "Ребятам начнут страшны сказки говорить, говорят бука да бука, а что - пой знай" (Карелия, Медвежьегорский р-н); "Детей пугали букой, што за бука, мы не знаем" (Лен., Тихвинский р-н). В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона бука - это ночное страшилище с большим открытым ртом и длинным высунутым языком, которое пожирает детей. Есть целый ряд контекстов, из которых следует, что в народных представлениях бука связывается с демоническими персонажами, преимущественно лешим и домовым:

"Ране говорили: бука в лесу" (Арх.); "Отец болел, сон видел. Пшел он в лес. Вдруг как закричит по лесу: 'Ягод-то надо? Красненкие, беленкие. Бука и был'" (Волог., Череповецкий р-н). Понимание буки как лешего иногда вполне отчетливо: "Бука-то кто? - А леший по-настоящему" (Арх., Беломорский р-н). Бука может выступать как мифологический обитатель строений - дома, бани и т.п. "В монастыре как-то ночевал, в пустом. Крысы шум подняли, а я думал, бука гремит. Всю ночь дрожал" (Арх.); "Буки какие-то жили в бане. Все буки, лешаки ныне убежали куда-то" (там же).

Бука фигурирует в колыбельных песнях, где ему стереотипно приписываются признаки и функции дворового: место его обитания - на дворе, где держат скот, функция - уход за скотиной:

Баю-бай, баю-бай, да,
Поди, бука, под сарай, да,
Коням сена надавай, да,
У нас Колю не пугай (Арх., Мезенский р-н).

В говорах Европейской части России и Сибири есть образования, которые можно рассматривать как однокоренные со словом бука, при этом значительная часть их обозначает домового или персонажа, приближающегося к нему по своим характеристикам: Это: бука-нушко, букната, букач, букарица, буканай, букустека и др.

Ряд исследователей (Д.К. Зеленин, М. Фасмер, Н. Шанский) полагают, что слово бука является звукоподражательным образованием детской речи от местоимения бу, которое видят также в слове букашка. Исходным считают значение 'ужужающее насекомое', значения же 'страшилище', 'нелюдим' - вторичным. Другие исследователи (Ф. Миклошич, Э. Бернекер) в слове бука видят производное от общеславянского *bukalij* - 'реветь, плакать' и, вообще, издавать различные звуки: мычать, реветь, жужжать, бурчать, урчать и т.п. Но с тем и другим трудно согласиться. Прежде всего, ни в образе буки, ни в значении слова нет никакого указания на звук. Слово букашка также связывают с букать - 'издавать звук'. Но реально понятие "букашка" со звуком, жужжанием и пр. не связано. "Звучащие" насекомые - мухи, пчелы, шмели и т.п. - это не букашки. Букашки молчаливы.

Возможно, что образ и слово бука имеют гораздо более глубокую и сложную историю и связаны генетически с целым рядом мифологических персонажей, известных многим европейским народам. В родстве с букой оказывается и норвежский *rauk* - 'маленький страшный человечек', английское *pisk*, нижненемецкое *rook*,

древнешведское *rukke*, древненорвежское *rukki* - 'домовой, черт', датское *røkken* - 'черт, дьявол, бес', *bohmand* - 'бука, пугало', немецкое *Puks* - 'домашний пепел, связанный с хозяйством, скотиной', *Rok*, *Ruk* - 'злой дух, приносящий хозяину деньги', латышское *rukis* - 'домовой, который приносит деньги и всякое добро'.

Мифологические персонажи европейских народов, о которых идет речь, известны по фольклору и литературе и нередко имеют довольно развернутую характеристику. Так, *Puch* (Пэк) - один из героев комедии В. Шекспира "Сон в летнюю ночь" - "Дух-увалень... веселый дух, ночной бродяга, шалый... Тот, что пугает сельских рукодельниц, Ломает им и портит ручки мельниц, мешает масло сбить исподтишка. То сливки поснимаются с молока, то забродить дрожжам мешает в браге, то ночью водит путников в овраге..." и пр. Пэк - это также фольклорно-мифологический персонаж книги Р. Киплинга "Старая Англия", которая по-английски так и называется "Puck of Pook's Hill". Этот персонаж совместился в известной мере с чертом и фигурирует в некоторых из многочисленных средневековых клерикальных трактатов и в фантастических историях о черте. Так, демон Пук, он же черт, несколко лет служил доминиканцам в Мекленбург-Шверине под видом обезьяны, работая на кухне, подметая, поворачивая вертел, разливая вино. Святые отцы уже тогда догадались, кто служил у них под именем Пука, и один из них написал книгу "Правдивая история демона Пука" (Золотов В.Р. Документальная история черта //Ист. вестник. Т. 15. 1884. С. 158-173). Как видно, многие признаки - связь с детьми, устрашение, обитание в укромных, темных местах, патронаж в доме, гротескный вид - объединяют русского буку с западноевропейскими персонажами.

В настоящее время, когда в сознании людей проходит стирание мифологических представлений, многие персонажи народных верований теряют свой статус пепата, распорядителя, "хозяина" какой-либо сферы и превращаются в устрашителей детей. В Вологодской области приходилось слышать, как детей 3-5 лет страшат бабкой Марой: "Куда побежал, вот там бабка Мара!" (Волог., Барабаевский р-н). Следы ее существования находим в украинском мара 'призрак, привидение, злой дух', русском кикимора, сербскохорватском мора 'домовой' чешском тиша 'кикимора, кошмар', польском тога, змога, тага 'кошмар' и под. Наименование мара связано с древним индоевропейским корнем *mag*, входящим в состав славянских слов умирать, мор, смерть и др. Мифологические понятия, названия которых включают этот корень, есть у многих народов Европы: ср. фр. *cauchemar* 'ночной кошмар, привидение', ставшее источником русского заимствования кошмар, англ. *nightmare* 'то же', нем. диалектное *tahr*, 'домовой', ирландское *tottigan* 'королева домовых', древнегреческое тогга 'один из демонов болезней' и под.

В русских материалах XIX - XX вв. сохранились более развернутые характеристики персонажа, именуемого бабка Мара. Это дух в доме, основная функция которого - прятать по ночам, путать и рвать кудель, оставляемую без благословления. Глубинная реконструкция образа сближает его с образами античной мифологии - Девами Парками, предзывающими нить жизни человека. Связь Мары с предением, нитью подчеркивается во многих контекстах: "На ровнице Мара сидит, волосы свои расчесывает" (Карелия, Медвежьегорский р-н). Основное место обитания Мары - за печкой, что отражено и в наименовании Мара запечельная (там же). Еще осознается принадлежность Мары к демоническим персонажам, вместе с тем подчеркивается использование образа для страшения детей: "А баенщик в бане живет, водник в воде, а есть еще запечальная Мара; тоже в доме живет, может, за печкой, а может, и еще где. Ребятам раньше говорили: "Мара с запечкой как выйдет и заберет" (там же).

Приведенные образы далеко не исчерпывают перечень устрашителей детей. Есть еще целый ряд слов, обозначающих неких страшилищ - вунтериха (Урал), соматиха (Волог.), хохла, хохря-махра (Волог.) и некоторые другие, этнографическое и лингвистическое комментирование которых пока затруднительно.

Всеми теми персонажами, о которых шла речь (кроме ефимона), "полохали" самых маленьких, ребятишек до 3-4 лет. Для воздействия на ребят более старшего возраста использовались другие образы. О них будет рассказано в одном из последующих номеров журнала.

Колдун. Олонецкая губерния. 1901 г. Фото М. А. Круковского РЭМ.